

Вонючие кожевники

Знаменитый Король воров вознамерился вывести своего юного господина на прогулку — и не просто какую-то там прогулку, а самое настоящее катание на санях! Никому не сказав ни слова, Адам подготовил сани, усадил лорда поудобнее, научил его правильно держать вожжи, а затем извлёк из кармана несколько плодов и бросил их трёхглавому псу. Последний плод он вытер об одежду и надкусил сам.

— Ну, поехали. Сначала потихоньку.

Огромный пёс сорвался с места, с лёгкостью потянув гружёные сани. Полозья заскрежетали по насту, оставляя за собой две глубокие борозды. Сейчас телом управлял Гифур — самый смыслёный из трёх, он прекрасно понимал команды и не путал лево с право. Они покинули территорию замка и устремились вниз по склону. Сани слегка подпрыгивали на редких камнях, но это ничуть не мешало Фарфаноэрсу наслаждаться скоростью — напротив, с каждым мгновением на душе становилось всё радостнее. Ледяной ветер больно жалил лицо, но в ослепительном сиянии снегов и ярком лунном свете, заливавшем бескрайние белые просторы, было нечто чарующее. Будь он обычным ребёнком, наверняка уже вопил бы от восторга.

Фарфаноэрс лишь крепче сжал вожжи. В самом начале и юный возница, и тягловый пёс чувствовали себя скованно, и Адаму приходилось постоянно вмешиваться.

«Не тяните так сильно, если что пойдёт не так — виновата будет собака! Ой, да ну тебя, паршивец, ещё разкусишь — пасть завяжу!»

Искусство управления санями — как не перевернуться на повороте и как вовремя затормозить — требовало сноровки. К облегчению Адама, ни человек, ни зверь не были обделены умом, и уже через полдня Фарфаноэрс вполне уверенно правил упряжкой.

— Ну как, весело? — самодовольно поинтересовался вор. — А то сидите в четырёх стенах, как затворник, разве это дело?

Пальцы Фарфаноэрса уже покраснели от мороза, но холода он почти не чувствовал. Он перевёл взгляд с саней на Адама и поджал губы:

— А ты, я гляжу, мастер находить время на подобные забавы.

— Вообще-то я человек очень занятой, ясно вам? — фыркнул тот. — Ну да ладно, всё равно не поверите.

Трудно было объяснить, почему он так настойчиво пытался вытащить Фарфаноэрса погулять.

Возможно, ему претило видеть, как юноша вечно держит спину по струнке, словно за каждый новый хмурый взгляд на него наваливается лишний десяток лет. В представлении Адама ребёнок в таком возрасте должен был донимать взрослых всякими глупостями... Впрочем, он предпочитал помалкивать о том, что большинство проделок местных сорванцов — его рук дело.

Ледяная крошка летела из-под полозьев, воздух — колючий и непривычно свежий — обжигал лёгкие, а затем вырывался наружу облачками густого пара. Небо было пепельно-серым, а под деревьями, стоявшими ровными рядами, словно солдаты на плацу, виднелась пожухлая трава. Лорд сошёл с саней, и под его ногами звонко захрустел снег. Адам что-то неумолчно тараторил, пересказывая дурацкие шутки. Так они провели немало времени, прежде чем пуститься в обратный путь.

Стоило им переступить порог замка, как они нос к носу столкнулись с Вирадуаном, который, казалось, уже был на грани безумия от поисков.

Фарфаноэрс: «...»

Адам: — Э-э... у меня тут дела образовались, ха-ха-ха... я пойду...

Фарфаноэрс: — Стоять.

Короткий приказ пригвоздил вора к месту, хотя тот уже успел отскочить на добрых три метра.

Позже Вирадуан — всё такой же учтивый, но с подозрительно потемневшим от гнева лицом — держал Адама за шиворот.

— Вы вполне могли бы оставить записку перед уходом, принц Фарфаноэрс.

«Меня просто умыкнули, пока я витал в облаках», — мысленно вздохнул Фарфаноэрс, а вслух произнёс:

— Я понял. Впредь буду внимательнее.

Вечером его перехватила Хельзе, чтобы помочь сменить наряд. Швейная мастерская, судя по всему, питала особую страсть к обновлению его гардероба. В цветах преобладали сочетания красного с белым или чёрного с зелёным. Лорд по-прежнему отвергал излишнюю пышность и вычурность, поэтому из украшений остались лишь серебряная цепь с брошью, скрепляющая плащ, да искусная вышивка на манжетах. Стиль одежды постоянно колебался между традициями Анаслера и Фейеполонии.

— Пришла зима, а значит, пора сменить платье, — наставительно произнесла Гитна.

Фарфаноэрс коснулся пушистого мехового воротника — неизвестно, какому зверю он принадлежал, — но возражать не стал. Вдобавок ему вручили новые сапоги из мягкой замши.

К слову об обуви: Фарфаноэрс внезапно вспомнил, что обилие меховых изделий в последнее время стало возможным благодаря кожевникам, прибывшим в прошлом сезоне. Из-за вечной занятости он так и не удосужился взглянуть на их работу. Но стоило ему заикнуться об этом, как Гитна холодно отрезала:

— Пожалуй, вам не стоит смотреть на процесс выделки кожи. Человеку вашего положения следует держаться подальше от таких мест.

«Почему?» — хотел было спросить Фарфаноэрс, но в этот момент в углу раздался радостный возглас. Гитна тут же одарила виновницу шума испепеляющим взглядом. Девушки, подхватив юбки, поспешили удалиться, оставив лишь ту, что выиграла в «камень-ножницы-бумага». Она с сияющим видом подошла, чтобы заняться волосами лорда.

Из чисто практических соображений — и чтобы не возиться лишний раз — Фарфаноэрс подумывал просто коротко остричь волосы, но его дружно отговорили. Девушки вечно твердили что-то вроде: «Эта лента вам так к лицу!» — а затем, точно фокусницы, извлекали на свет шнуры с кисточками и самоцветами, чтобы стянуть его пряди. Это порой заставляло лорда подозревать их в каких-то скрытых мотивах...

Впрочем, в худшем случае он просто побудет «живым манекеном». Фарфаноэрс решил не мешать их тяге к прекрасному и позволил одной из служанок, напевавшей под нос весёлый мотив, привести свою голову в порядок. Волосы юного лорда были удивительно послушными и гладкими. Когда не было срочных дел, он любил просто сидеть на высоком табурете и витать в мыслях. Он не привередничал в выборе масел или украшений, и ему было всё равно, причешут ли его на скорую руку или сотворят сложную причёску.

«В самых неожиданных вещах с ним удивительно легко договориться», — подумала Дишина.

Внезапно Фарфаноэрс, хранивший до этого молчание, повернул голову и спросил:

— А что такого особенного в выделке кожи?

Дишина охнула и, понизив голос, прошептала:

— Вам и правда это интересно? Ну... как бы сказать...

— Это какая-то тайна?

— Вовсе нет... Просто то, что я знаю о дублении... Это, мягко говоря, довольно противно. Кожевники обычно не селятся в деревнях или городах.

— Потому что там шумно? — предположил Фарфаноэрс, который ровным счётом ничего не знал об этом ремесле.

— Потому что там воняет, — честно ответила Дишина. — Вы знали, что кожу обычно выделывают с помощью навоза, мочи или воды, в которой разложились трупы?

Фарфаноэрс: «...»

«Спасибо, теперь знаю».

— Отец немного рассказывал мне об этом, — продолжала Дишина. — Шкуры... ну, те, что попадают к мастеру, уже предварительно обработаны. Их называют «сыромятными».

Она медленно вела расчёской, смоченной в ароматном масле, по его тёмно-зелёным волосам, словно разглаживала шёлк того же цвета.

— Затем кожевник замачивает сырые шкуры в той самой вонючей воде. После этого их вынимают и перекалдывают в чаны с навозной жижей... Я точно не знаю, что туда добавляют, кажется, соль и воду, в которой вымачивали жжёный камень?

«Похоже на известковую воду», — догадался юноша.

— Когда шкуры достаточно вымокнут, их достают и скребут ножами, счищая лишний жир, а потом снова отправляют в навозную яму «доходить». Только после этого шкура становится кожей! Остаётся лишь придумать, как извести запах. Кстати, у нас кожевникам строго-настрого запрещено мыть кожи выше по течению от городов или деревень, не то их просто побьют.

«Да уж, процесс, от которого даже в мыслях разит за версту... Неудивительно, что их называют вонючими кожевниками».

Фарфаноэрс на мгновение задумался:

— Но обитатели Преисподней не выделяют отходов... Хотя это, скорее, особенность самой природы душ. Я помню, что некоторые животные в Загоне оставляли помёт, но его нельзя использовать — он мгновенно высыхает, превращаясь в камень. Пожалуй, для дубления он не годится... Но если подходят сточные воды и трупная вытяжка...

Он невольно вспомнил те «шедевры» тёмной кулинарии, что выходили из-под рук Гусьмонстра. Трудно было сказать, что ужаснее: помойная жижа или эти кулинарные неудачи.

\*\*\*

— Вы спрашиваете о выделке кожи? — Гвидостурия с сомнением покачал колбу. — Да там и смотреть-то особо не на что.

— И всё же я взгляну. Вдруг условия труда там совсем невыносимые...

Гвидостурия указал на его новые сапоги:

— Вот, глядите, на вас как раз обновка, — он, кажется, что-то осознал. — Ах, вы, должно быть, боитесь, что это... не совсем достойно вашего звания?

— Что именно не достойно? — не понял Фарфаноэрс.

— Ну, многие дворяне, знаете ли, воротят нос от изделий, выделанных старинным способом...

— С чего бы это? — пожал плечами Фарфаноэрс. Он рассудил, что раз обувь к моменту примерки уже ничем не пахнет и отлично греет, то и брезговать нечем.

— Я хотел спросить: не используют ли они отходы от растений Ансеринуса? В них ведь есть доля яда. Может, им стоит... — выдать перчатки для работы? Впрочем, защитных перчаток здесь, кажется, не водилось.

— ...Погоди-ка, ты только что сказал «старинным способом»? — Фарфаноэрс прищурился. — Значит, есть и другие варианты?

— Разумеется, — Гвидостурия тонко улыбнулся. — Можно использовать мыло и касторовое масло, или даже некоторые растения.

Фарфаноэрс кивнул:

— Значит, сейчас они используют мыло? — не дожидаясь ответа, он продолжил: — Ты на удивление много знаешь... Придворные секреты?

В народе кожу дубят навозом: во-первых, по привычке, во-вторых, это дёшево. К тому же большинство людей просто не ведают иных путей. Всё лучшее всегда остаётся привилегией знати.

— Тут стоит поблагодарить Шапука. У него, знаете ли, отменная память — один раз взглянет на рецепт и запомнит на всю жизнь. — Гвидостурия с улыбкой вернул колбу на полку. — Да и работник он прилежный... склянки и тигли всегда отмыты до блеска.

Фарфаноэрс облегчённо вздохнул.

— Я загляну к ним позже. Традиции традициями, но... — Он замолчал. — Таким людям, как Шапук, и впрямь не место в рабстве.

Человек, который хочет учиться, готов трудиться и предлагать идеи для улучшений, уже стоит больше многих. Фарфаноэрс и сам поначалу думал: «Пусть научит нас рецептам, а потом останется при Гвидостурии мыть посуду».

— О, что касается этого... Он ведь не всегда был рабом. Родился в почтенной семье — его род издавна владел красильной мастерской в столице. Но удача отвернулась от них: в молодости он оказался замешан в заговоре против Великого Владыки и попал в темницу. — Гвидостурия сокрушённо покачал головой. — Смертной казни он избежал, но был навечно клеймён и продан в рабство. Пятнадцать лет он провёл на мыловарне, не видя белого света. Тяжёлая судьба.

Услышав это, Фарфаноэрс щелчком пальцев вызвал архив Шапука. Всё подтвердилось — каждое слово было правдой.

<http://bllate.org/book/16116/1590421>